

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х21

Copyright © 2014 by Amy Harmon
Cover design by Hang Le

Хармон, Эми.
Х21 Закон Моисея / Эми Хармон. — Москва :
Эксмо, 2020. — 416 с. — (Young Adult. Лучшая
проза Эми Хармон).

ISBN 978-5-04-111641-5

Его нашли в корзинке для белья в прачечной. Младенцу было всего несколько часов от роду, но смерть уже поджидала его за углом. Малыша окрестили Моисеем и назвали сломленным ребенком. Когда я услышала эту фразу, то представила, будто при рождении по его хрупкому тельцу пошла огромная трещина. Я понимала, что это всего лишь метафора, но картинка не выходила у меня из головы. Возможно, именно образ сломленного юноши и привлек мое внимание.

Мама говорила, что весь город следил за историей маленького Моисея, но никто не мог ему помочь. Спустя несколько лет он сам ворвался в мою жизнь подобно волне и стал глотком свежей воды — холодной, глубокой, непредсказуемой и опасной, словно синяя бездна. Как обычно, я окунулась в нее с головой, несмотря на все запреты. Вот только на сей раз я пошла на дно.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Харченко А., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111641-5

*Посвящается Мэри Суториус,
моей бабушке,
которая была бы в восторге от того,
что я стала писателем.*

Пролог

Вступительные слова любой истории всегда даются тяжелее всего. Будто, как только выведешь их на бумаге, ты уже обязан довести дело до конца. Будто начав, ты не имеешь права не закончить. А как закончить то, что не имеет конца? Это история бесконечной любви... хотя мне потребовалось время, чтобы прийти к этому осознанию.

Если скажу вам в самом начале, без всяких околечностей, что потерял его, вам будет легче с этим смириться. Вы будете знать, что грядет и что дальше будет больно. В вашей груди появится ноющее ощущение, живот скрутит от страха. Но вы сможете морально подготовиться. Вот мой вам подарок. Меня не удостоили такой привилегией, и я оказался не готов.

А после того, как его не стало? Все покатило под откос. Дни становились только хуже. Чувство сожаления не уходило, горе все так же резало по сердцу, бесконечный калейдоскоп грядущих дней — дней без него — внушал лишь безнадежность. По правде говоря — раз уж я решил, что только правда у меня и есть, — я бы с радостью променял свою участь на любую другую. Но имеем, что имеем. И я не был готов.

Я не могу описать свои чувства — ни ушедшие, ни нынешние. Все слова кажутся пустым звуком и отдают

дешевизной, превращая каждую мою фразу, каждую эмоцию в бульварный романчик, полный избитых метафор, чтобы выжать из вас слезы и мгновенно вызвать сопереживание. Сопереживание, никак не связанное с действительностью, — это лишь легкая эмоция, которая забудется, как только вы закроете книгу. Эмоция, от которой вы смахнете слезы с глаз и радостно всхлипнете, потому что это всего лишь история. И что лучше всего — не ваша история. Но все не так просто.

Потому что это моя история. И я не был готов.

ЧАСТЬ 1

ДО

ГЛАВА 1

Джорджия

Моисея, обернутого в полотенце, нашли в корзинке для белья в прачечной. Ему было всего несколько часов от роду, но смерть уже поджидала его за углом. Какая-то женщина услышала его плач и, взяв на руки, укутала в пальто, чтобы согреть младенца теплом своего тела, пока не придет помощь. Она не знала, вернется ли его мать и кем та была, — поняла только то, что это нежеланный ребенок, и, если его немедленно не отвезти в больницу, он умрет.

Его прозвали «дитя ломки». Мама сказала, что так называют детей, которые рождаются с зависимостью, потому что их матери употребляли наркотики во время беременности. Обычно такие младенцы развиваются медленнее, поскольку в основном рождаются раньше срока у нездоровых матерей. Наркотики влияют на химические процессы их мозга, что приводит к синдрому дефицита внимания и проблемам с самоконтролем. В отдельных случаях они страдают от припадков и психических отклонений или от галлюцинаций и гиперчувствительности. Считалось, что некоторые из этих расстройств проявятся и у Моисея, если не все сразу.

Про него сняли репортаж и показали в утреннем выпуске новостей. Отличная история вышла, не оторваться — младенец, брошенный в грязной прачечной в небла-

гополучном районе Вест-Вэлли-Сити. Мама говорит, что хорошо помнит тот репортаж — пробивающие на слезу кадры младенца в больнице, чья жизнь висела на волоске, с зондом для кормления в животе и синей медицинской шапочкой на крошечной голове. Спустя три дня нашлась его мать, хотя возвращать ей ребенка никто не хотел. Но и не пришлось. Она погибла. Женщину, оставившую своего ребенка в прачечной, объявили мертвой по прибытии в ту же больницу, где боролось за жизнь ее дитя, всего в паре этажей над ней. Ее тоже кто-то нашел, правда, не в прачечной.

Ее соседка, которую арестовали в тот же вечер за проституцию и хранение наркотиков, рассказала полиции все, что знала о погибшей матери и ее брошенном ребенке, надеясь хоть на небольшое смягчение наказания. Вскрытие показало, что женщина действительно недавно рожала. А позже анализ ДНК подтвердил, что мальчик действительно ее. Вот так везение.

В новостях его прозвали «младенцем в корзинке», в честь чего больничным персоналом окрестил малыша Моисеем. Увы, в отличие от библейского тезки, Моисея не нашла дочь фараона. Он не рос во дворце. У него не было сестры, которая наблюдала бы из зарослей тростника, чтобы его корзинку точно выловили из Нила. Но семья у него все же нашлась — мама сказала, что весь город поднялся на уши, когда выяснилось, что покойная мать Моисея была местной. Ее звали Дженнифер Райт, и она часто приезжала на лето к своей бабушке, которая жила с нами на одной улице. Бабушка все так же жила неподалеку, родители Дженнифер — в соседнем городке, и некоторые из ее переехавших родственников тоже были известны многим жителям. Так что у малыша Моисея

все-таки была семья, но никто из них не горел желанием взять под крышу больного младенца, от которого, как предрекали, стоило ждать проблем. Дженнифер Райт разбила сердца своим близким и оставила их сломленными и усталыми. Мама сказала, что это обычный случай, когда в деле замешаны наркотики. Так что тот факт, что она оставила им «дитя ломки», никого особенно не удивил. В юности Дженнифер была обычной девушкой. Симпатичной, милой, даже умной. Но недостаточно, чтобы держаться подальше от поработившей ее дури. Когда Моисея называли «дитя ломки», я представляла, будто его сломали при рождении и по его тельцу пошла огромная трещина. Само собой, я знала, что этот термин означает совсем другое, но картинка не выходила у меня из головы. Возможно, именно этот образ сломленного юноши и привлек меня к нему в первую очередь.

Мама говорила, что весь город следил за историей маленького Моисея Райта — они смотрели новости, делали вид, что получали информацию из первых рук, и додумывали то, чего не знали, просто чтобы потешить чувство собственной важности. Того прославленного малыша я так и не узнала — только обычного, подросткового Моисея. Члены семейства Райт постоянно сплавляли его друг другу, когда он начинал приносить слишком много хлопот, — передавали очередному двоюродному или троюродному родственнику, который терпел его какое-то время, а затем пересаживал на шею следующему в очереди. Все это произошло еще до моего рождения, и к моменту нашего знакомства — мама все мне о нем рассказала, чтобы помочь «понять его и быть учтивой», — история Моисея уже изжила себя, и никто не хотел с ним возиться. Люди любят детей, даже больных. Даже «детей

ломки». Но они вырастают в подростков. А никто не хочет иметь дела с проблемными подростками.

Именно таким и был Моисей.

К нашей первой встрече я уже знала все о таких детях. Всю мою жизнь родители брали их под опеку. К моим шести годам от нас съехали две мои старшие сестры и брат. Я оказалась неожиданным сюрпризом и в итоге росла с неродными мне братьями и сестрами, которые поэтапно приходили и уходили из моей жизни. Возможно, именно поэтому мама с папой и Кэтлин Райт — бабушка Дженнифер Райт и прабабушка Моисея — подчас обсуждали мальчика за нашим кухонным столом. Я подслушала многое, что никоим образом меня не касалось. Особенно в то лето.

Кэтлин решила лично заняться воспитанием Моисея. Через месяц ему должно было стукнуть восемнадцать, и все остальные родственники готовились наконец умыть руки и забыть о нем. Он проводил с ней каждое лето еще с юных лет, и Кэтлин не сомневалась, что они прекрасно поладят, если все остальные просто не будут вмешиваться в их дела. Похоже, ее ничуть не заботил тот факт, что, когда Моисею исполнится восемнадцать, ей будет восемьдесят.

Я знала его историю и помнила его с прошлых летних сезонов, но мы никогда не общались. Городок у нас маленький, так что все дети знакомы друг с другом. Каждое воскресенье Кэтлин Райт водила его в церковь. В воскресной школе все ученики с любопытством пялились на него, пока учительница пыталась выудить из Моисея хоть пару слов на занятии. Но он всегда молчал. Просто сидел на складном стульчике с таким видом, будто ему дали за это хорошенькую взятку, крутил руки на коленях и разглядывал все вокруг своими странными глазами.

А как только урок заканчивался, он шустро выбегал за дверь под лучи солнца и шел напрямик домой, не дожидаясь, пока его заберет прабабушка. Я пыталась догнать его, но ему всегда удавалось сбежать из класса быстрее меня. Даже в те времена я уже пыталась угнаться за ним.

Время от времени Моисей с Кэтлин отправлялись на пешие или велосипедные прогулки, а еще она почти каждый день возила его в бассейн в Нифай, что вызывало у меня дикую зависть. В моем случае, если за лето удавалось хоть пару раз покупаться в бассейне, это уже считалось везением. Если сильно хотелось искупнуться, я ехала на велосипеде к рыбацкому пруду в каньоне Чикен-крик. Родители запрещали мне это делать, поскольку он был слишком холодным, глубоким и мутным — даже несколько опасным. Но уж лучше утонуть, чем не плавать вовсе, и пока что мне удавалось держаться на плаву.

Чем старше становился Моисей, тем реже он посещал Леван. С его прошлого визита прошло уже два года, несмотря на все уговоры Кэтлин переехать к ней окончательно. Семья была против: мол, его воспитание ей не по силам, он «слишком эмоциональный, слишком вспыльчивый, слишком темпераментный». Но в конечном итоге все так от него устали, что дали согласие. И так Моисей переехал в Леван.

Мы оба перешли в выпускной класс, хотя я была младше других учеников, а он — на год старше. У нас обоих день рождения выпадал на лето — 2 июля Моисею исполнялось восемнадцать, а мне 28 августа — семнадцать. Но он не выглядел на свой возраст. За два года, что мы не виделись, он сильно возмужал, и в глазах светилась житейская мудрость, не свойственная юноше его лет. Он стал высоким и широкоплечим, на его стройном теле